

ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ КУЛЬТУРЫ

ПИЩЕВЫЕ УТОПИИ КАК ОТРАЖЕНИЕ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ НАРОДОВ МИРА

А.В. Павловская

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия, annapavl@mail.ru

Аннотация. Мечта человечества о сытой жизни, наверное, – древнейшая в мире. Неудивительно, что значительное число традиционных ритуалов и обрядов связаны с попытками обеспечить такую жизнь: ниспослать удачную охоту, приумножить урожай, сохранить скот и т.д. А исторические, фольклорные и литературные источники дают нам богатейший материал: «пищевые утопии», в которых народная мечта реализуется в форме волшебных мест, предметов или существ, поставляющих желанную пищу, причем без приложения усилий и совершенно бесплатно. В данной статье «пищевые утопии» рассматриваются с точки зрения системы питания, характерной для того народа, который сочинил свой «пищевой рай». Ничто так наглядно не отражает национальные особенности питания, как пищевые утопии и пищевые стереотипы, обобщенный и упрощенный взгляд на еду изнутри и извне.

Ключевые слова: система питания; утопии; история еды; идентичность; пищевые традиции

Финансирование: Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

Для цитирования: Павловская А.В. Пищевые утопии как отражение культурно-исторической традиции народов мира // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. № 1. С. 146–168.

“FOOD UTOPIAS” AS REFLECTIONS OF CULTURAL TRADITIONS OF THE PEOPLES OF THE WORLD

Anna V. Pavlovskaya

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, annapavl@mail.ru

Abstract. The mankind’s dream of a well-fed life is probably the oldest in the world. It is not surprising that a significant number of traditional rites and ceremonies are associated with various attempts to ensure this kind of life such as to send

down a successful hunt, to increase the harvest, to save the livestock, etc. And historical, folklore and literary sources provide us with the richest material such as “food utopias”, where a folk dream is realized in the form of magical places, objects or creatures that provide the desired food. And it is done effortlessly and completely free. In this article, “food utopias” are examined from the point of view of the nutritional systems characteristic of the people who created their “food paradise”. Nothing reflects national dietary habits as clearly as food utopias, generalized and simplified views of national food.

Key words: food systems; utopias; food history; national identity; food traditions

Funding: This research has been supported by the Interdisciplinary Scientific and Educational School of Moscow University “Preservation of the World Cultural and Historical Heritage”.

For citation: Pavlovskaya A.V. (2022) “Food Utopias” as Reflections of Cultural Traditions of the People of the World. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1, pp. 146–168. (In Russ.)

Вопрос, насколько случайно то, что мы едим, является важнейшим и, увы, до сих пор нерешенным в науке. Определяется ли наша пища нашими личными предпочтениями, или мы вольно или невольно воспроизводим некую устойчивую систему питания, сложившуюся задолго до нашего рождения? Людям всегда приятнее ощущать свою индивидуальность, отсюда и непрекращающиеся дискуссии вокруг всякого рода подобного рода обобщений: «национальных» (вариант, «этнических») характеров, менталитетов, кухонь. Безусловно, исключения есть в любых системах, и никто не воспроизводит «национальные» схемы буквально, однако национальное, как и этническое, единство все-таки существует. И пища здесь является одним из самых важных и долговечных его факторов [Молчанова, 2013; Загрязкина, 2015; Раевская, Киселева, 2015; Павловская, 2015; Павловская, 2016].

Наступившая в XX в. культурная глобализация, охватившая в том числе и все стороны повседневной жизни, пошатнула основания национальных культур мира, добравшись в самые отдаленные уголки. Пошатнула, но не уничтожила, о чем разговор особый. Сегодня возможно существование вегана даже в среде монгольских кочевников. Но в начале XX в. он бы просто умер с голоду, альтернативы молоку и мясу там практически не существовало. Более того, в наше время во всем мире отказ от мяса – своего рода добродетель, как во времена христиан-аскетов. В скотоводческом обществе былых времен такого рода поступок сочли бы кошунством и святотатством. Так что пищевые особенности и традиции питания народов мира

еще сто лет назад были весьма определены, стабильны и четко выражены. Сохранились они, пусть и в меньшей степени, и сейчас.

Писатель В.Ф. Одоевский, в обличии придуманного им профессора Пуфа, в середине XIX в. рассуждал о важности изучения традиционной пищи, составляющей существенную часть народной культуры, не менее значимую, чем песни, поверья, сказки, которые с увлечением собирали энтузиасты в тот период. «Ваш же брат немец, человек ученый, – писал Одоевский-Пуф, – не шутя уверял меня, что если ему доставить подобные сведения о том, что тот или другой народ ел в ту или другую эпоху и как он ел, то он, профессор, возьмется, как он говорил, конструировать всю историю того народа: его торговлю, промышленность, степень его просвещения и проч. и проч.»¹ Отметим, что по пище можно также определить и о каком народе идет речь, и, что еще более важно, проследить и древнейшую историю самого народа.

Ничто так наглядно не отражает национальные особенности питания, как пищевые утопии и пищевые стереотипы, обобщенный и упрощенный взгляд на еду изнутри и извне. Мечта о пищевом изобилии – наверное, древнейшая у человечества. Можно предположить, что голодный первобытный охотник после неудачной вылазки на оленя, представлял себе мирно пасущиеся беззащитные стада и, возможно, в творческом порыве (голод часто обостряет творческое начало) изображал их на стенах пещер. А еще вероятнее визуализировал в мечтах сочные куски мяса, запекающиеся на углях, и сочинял мифы о волшебном костре, на котором никогда не иссякает еда.

Мифы охотничьих народов, сохранивших свой традиционный уклад до XX в., позволяют представить, о чем мечтали древние люди, и понять чаяния современных охотников. Так, в чукотской сказке заблудившийся охотник, столкнувшись со злой ведьмой, получил волшебные сани. «Тряхнула старуха волосами – тут сразу оленья упряжка появилась. А на нартах всевозможные кушанья – и тюленья печенка, и оленина, и мясо вяленое, что копальхой называется. Все перепробовал Тынэн, наелся досыта и еще за пазуху кое-что сунул!»² Здесь есть лакомства северных охотников, включая знаменитый «деликатес» копальхен, ферментированное мясо, которое обычно несколько месяцев доходит до «кондиции» под грузом камней или в воде; тухлый запах его во все времена приводил в ужас сторонних наблюдателей. Но для северных охотников – это большое лакомство,

¹ *Одоевский В.Ф. Кухня: Лекции господина Пуфа, доктора энциклопедии и других наук о кухонном искусстве.* СПб., 2007. С. 419.

² *Сказки народов Севера.* Л., 1991. С. 63.

о котором они мечтали долгими темными вечерами, складывая сказки.

После того как человек освоил земледелие и скотоводство, труд его стал еще тяжелее, требовал все больше сил и времени; все усиливавшееся социальное неравенство, делало положение «кормильца» еще и унижительным. Одновременно с этим и земледельцы, и скотоводы все больше зависели от множества случайных факторов: погоды, войн, болезней растений и скота, нашествия саранчи на поля, нападений диких животных на стада и многих других факторов. Появился массовый голод, не просто как неприятное сосущее чувство под ложечкой, а как мучительная смерть большого числа людей. Цивилизация принесла людям и множество благ, и бедствий. Активное распространение сельского хозяйства из первичных плодородных районов возникновения, благоприятных для его ведения, по всему миру, в том числе и северным, и засушливым, только обостряло все эти проблемы. Неудивительно, что «цивилизовавшееся» человечество продолжало мечтать о столь обыденном предмете как обильная еда, доставшаяся без больших усилий.

Пищевые утопии³ возникали повсеместно и в разных формах: в виде мифов о чудесных людях или предметах, которые создавали еду, сохранившихся в легендах, сказках, пословицах и поговорках. Они попадали в литературные произведения, так как радовали не только бедных, но и богатых. Идея получения пищи без усилий, без денег, просто из ниоткуда, не теряла своей актуальности во все времена, в разных слоях общества, на самых разных этапах развития человечества.

Как любимое чудо людей, «пищевая мечта» попала в мировые религии. Вероятно, хождение по воде, аки посуху, оказывало не столь сильное воздействие на простые души, как преумножение вина и хлеба. Да и рай в различных верованиях чаще всего представляет собой место, где можно без забот вкушать еду, не задумываясь о завтрашнем дне, не тратя сил и чувств на мысли о поиске пропитания.

В Ветхом Завете «Земля обетованная», в которую стремятся иудеи, струится молоком и медом. Во время странствий по пустыне Господь посылает им для пропитания бесчисленные стаи перепелов, а также манну небесную, которую народ «молот в жерновах или

³ Понятие «утопия» используется здесь как в первоначальном значении, в переводе с древнегреческого слово означает «место, которого нет», т.е. несуществующая идеальная страна, так и в переносном, как все несбыточное, но прекрасное, недостижимое, но желанное. Хотя понятие было введено Т. Мором в XVI в., подобного рода литературный и фольклорный жанр появился значительно раньше.

толок в ступе, и варил в котле, и делал из нее лепешки; вкус же ее подобен был вкусу лепешек с елеем» (Числа, 11:31, 7).

Пять тысяч человек, своих последователей (и это, «кроме женщин и детей»), накормил Иисус Христос пятью хлебами и двумя рыбами, «И ели все и насытились; и набрали оставшихся кусков двенадцать коробов полных» (Матфей, 19;24).

В Жизнеописании Пророка Мухаммада, составленном со слов его сподвижников, рассказывает о том, как в войске, возглавляемом Абу Убайдой ибн аль-Джаррахом, известным полководцем, соратником Пророка, прославившемся беспощадной борьбой с язычниками (среди которых был его родной отец), закончилась еда. Когда же наступил голод, «Аллах послал нам из моря животное, мясом и жиром которого кормились двадцать дней, даже поправились и забыли про голод»⁴.

Для рассматриваемой проблемы главным во всех этих историях, помимо значимости темы еды как фактора воздействия на народное сознание, является то, что, повторяя саму идею, разные народы наполняют ее своим пищевым содержанием. Для иудеев, бежавших из сытного Египта, желанная пища – это древнейшая – молоко, мед и мясо, а также более поздняя для их культуры – зерно, из которого варят похлебки и пекут лепешки. Для христианства, в значительной степени выросшего на античных основаниях, – вино и хлеб. Для мусульманства, зародившегося в арабской среде кочевников, мясо и молоко.

Пищевые легенды и утопии мира отражают во всей полноте пищевые предпочтения тех народов, в среде которых они циркулируют, дают возможность увидеть пищевые системы в обобщенном, идеализированном, мифологизированном виде. Чаще всего такого рода сказания воспроизводят любимую повседневную пищу народа, получаемую в неограниченных количествах.

Рассмотрим пищевые утопии народов мира как свидетельство существования базовых начал, которые легли в основание их пищевых систем.

Чрезвычайно богата такого рода историями античность.

Древнегреческий миф рассказывает о трех дочерях царя Делоса Ания, сына Аполлона, которые обладали уникальным даром. Так называемый Псевдо-Аполлотор, составивший Мифологическую библиотеку, сообщает, что «Дочери Ания, сына Аполлона, Элаида, Спермо и Ойно были прозваны Ойнотрофами: Дионис одарил их

---

⁴ *Ибн Хишам*. Жизнеописание Пророка Мухаммада. Рассказанное со слов аль Баккаи, со слов Ибн Исхака аль Мутталиба (первая половина VIII века). М., 2007. С. 616–17.

способностью творить из земли масло, злаки и вино»⁵. Таким образом, три девы давали полное пропитание древним грекам. В поэме «Александра», приписываемой древнегреческому поэту III в. до н.э. Ликофрону, они называются воспитанницами Диониса, «Искусницы зерно молотъ на мельнице, // И вина делать, и жать масло жирное...», они и «воду претворят в вино!»⁶ Зерно, олива и вино, были не только основой питания древних греков и римлян, но и краеугольным камнем античной цивилизации.

Древнегреческие комедии полнятся утопическими картинами пищевого изобилия. Еды не просто много, она рождается самой землей, падает дождем, сползает с крыш, возникает из ниоткуда. Еда становится одушевленной, сама лезет в рот. Конечно, такие утопии высмеивают как распространенные в античности ностальгические воспоминания об ушедшем Золотом веке, так и мечты о грядущем свободном и безбедном мире, превращая их в мир обжорства и чревоугодия. Однако подобного рода аналогии совсем не случайны, пусть и утрированно, и пародийно, но они отражают мечты человечества о блаженной жизни ничегонеделания и вкусно-го времяпровождения. Одновременно с этим дают полный набор наиболее любимых современниками продуктов и блюд.

Комический поэт Телеклид (V в. до н.э.) в «Амфиктионах» (сохранились фрагменты) рассказывает от имени создателя:

Расскажу я тебе о той жизни, что я подарил поначалу всем смертным...

По оврагам повсюду струилось вино, и лепешки сражались с хлебами,

Чтоб их первыми съели, себя проглотить умоляли и всем предлагали

Выбрать самых из них белоснежных. А в дом рыбы шли своим ходом и сами

Себя жарили, после раскладывались на столах по тарелкам и мискам.

И похлебка рекою текла меж столов и катила горячее мясо.

А чтоб горло смочить и кишки увлажнить, с острым вкусом струилась подлива.

А на блюдах горой пирожки на меду пересыпаны были сладостями,

И влетали зажаренные дрозды прямо в рот, и с лепешками вместе.

Сдоба сдобу толкала у самых у губ и кричала, спеша проглотиться!

Меню античности представлено во всей красе, то самое, что впоследствии легло в основание всей европейской хлебной цивилизации.

⁵ *Аполлодор*. Мифологическая библиотека. Л., 1972. Кн. I, III, 10.

⁶ *Суриков И.Е.* Ликофрон Александра // Вестник древней истории. 2011. № 2. С. 234–267.

Комедиограф Ферекрат в «Персах» пишет:

И какая нужда будет в пахарях нам, в семенах, в виноградных побегах,

Кузнецах и упряжниках, серповщиках? Ведь обильно и сами собою

На распутьях дорог, да с приправой густой, из земли забьют реки похлебки,

И ахилловы в них поплывут пирожки, нам останется только нагнуться

Зачерпнуть, а начало те реки возьмут от источников Плутосабога.

И дождями из сладких и дымчатых вин будет Зевс мыть у нас черепицы,

По карнизам, по кровле посыплется в рот виноград с пирогами из сыра,

И медовые пряники, и размазня чечевичная, рожки да булки.

А деревья покроет в горах не листва, но повиснут на ветках колбасы

Из козлятины да отварные дрозды и нежнейшие из каракатиц⁷.

(ахилловы пирожки – лепешки из тонкой ячменной муки, любимые греками)

Это лишь немногие из ярких утопических картин, рисуемых античными авторами, но вполне показательные.

Иное дело варвары, у них были свои предпочтения в еде и свои мифы о ней. Большинство из них были изначально скотоводами, предпочитая мясо и молоко другим продуктам. Коровы и быки нередко фигурируют в мифах и легендах Британских островов. Одна из них рассказывает о волшебной белой корове (стадо принадлежало волшебным озерным девам), которую удалось поймать старику фермеру. «С того дня фермер начал богатеть. Таких телят, такого молока, масла и сыра, как от белой коровы, никто в Уэльсе не видел, да и не увидит больше. Бедный фермер стал богачом, хозяином огромного стада»⁸.

Британские острова исторически заселялись разными группами народов и представляли собой довольно сложный конгломерат культур. Многие варвары давно освоили земледелие и предпочитали зерно и свинину другим продуктам. Так, древнее божество ирландской мифологии Дагда постоянно носил с собой волшебный котел «Неиссякаемый» и очень любил овсяную кашу и свинину. В ирландской же мифологии говорится о «чудесных свиньях

⁷ *Афиней*. Пир мудрецов. Т. 1. С. 335–336.

⁸ *Королев К.М.* Мифология Британских островов. М., 2007. С. 251–252.

Мананнана», их убивали и съедали, а наутро они вновь были живы⁹. В валлийском фольклоре популярны истории о волшебном мешке, родственном волшебному котлу или чаше с неиссякаемым содержимым¹⁰.

Все эти древние волшебные котлы и мешки изобилия в Средние века слились в образ святого Грааля, хотя и наполнив его христианским содержанием, но сохранив пищевую подоплеку. Явление Святого Грааля сэру Ланселоту в замке «владельца Нездешней страны» сопровождалось чудом: в воздухе разлился «благоуханный аромат», а «стол их вдруг оказался заставлен всеми яствами и напитками, каких только могли они себе пожелать»¹¹.

Мясо и мед-пиво – еда скандинавских воинов. В своего рода скандинавском раю, куда попадают после смерти павшие в битве воины, мясо огромного кабана Сэхримнира, «дичина отличная», является их единственной пищей. Каждый день повар Андхримнир варит в волшебном котле его мясо¹². И каждый вечер кабан снова цел. Его мяса всегда хватает на всех, сколько бы ни садилось за стол.

Хмельной мед получают также просто: «Коза по имени Хейдрун стоит в Вальгалле и щиплет иглы с ветвей того прославленного дерева, что зовется Лерад. А мед, что течет из ее вымени, каждый день наполняет большой жбан. Меду так много, что хватается допьяну всем эйнхериям». Пиво в скандинавских легендах в огромном котле варит Эгир, древний морской великан, владыка моря. Тор, защитник людей и бог грома и бури, с боями добыл для варки пива особый «огромный котел, // котлище великий // с версту глубиной», «и асы теперь // каждую зиму // досыта пили // пиво у Эгира»¹³.

А карело-финском эпосе «Калевала» один из героев вспоминает о своем безбедном житье в волшебном краю: «Там из меду были горы, Из яиц куриных скалы; Мед стекал по веткам елей, Молоко текло из сосен, Из плетней лилося масло, по жердям стекало пиво». Молоко и молочные продукты занимают важное место и в финском эпосе, и системе питания. Однако единственным подлинно волшебным предметом в мифологии, приносящим счастье и изобилие, является волшебная мельница Сампо, вокруг которой строится основной сюжет поэмы «Калевала» и рунов, записанных еще ранее. Волшебная мельница трудилась, не переставая:

⁹ Предания и мифы средневековой Ирландии. М., 1991.

¹⁰ См.: *Мабиногион*. Волшебные легенды Уэльса. М., 1995.

¹¹ *Томас Мэлори*. Смерть Артура / Пер. И. Берштейн. М., 1991.

¹² Младшая Эдда. Л., 1970. С. 59.

¹³ Младшая Эдда. С. 60; Старшая Эдда. Л., 1963. С. 50.

Рано утром меру мелет,
Меру мелет на потребу,
А другую – для продажи,
Третью меру – для запаса

(в поэме Э. Леннрота третья шла для пирушки).

Запас еды в виде неограниченного количества муки, получаемого волшебным образом, принес не просто сытость, он принес благоденствие и счастье людям: «Сладко в Похъэле живется, Если в Похъэле есть Сампо... Неизменные там блага»¹⁴.

А в знаменитом романе «отца финской литературы» А. Киви «Семеро братьев» пища, которая согласно легенде, вспоминаемой голодными героями, появилась из черных бычьих рогов, весьма прозаична и отражает мечты финских крестьян второй половины XIX в.: «Когда он открыл первый рог, оттуда с бульканьем полилась самая лучшая фабричная водка, чтоб он мог выпить перед трапезой. Выпил он – и даже дух захватило. Потом вытащил из другого рога несколько локтей жирной, еще теплой свиной колбасы. Из третьего тугим завитком пошла ржаная каша, а из четвертого – простокваша к ней, густая, будто смола»¹⁵.

В мифах Китая говорится о волшебном дереве цзяньму, которое росло в том месте, где, как считалось, находился центр неба и земли. Это было удивительное место, рассказывается в легенде, «что только там ни росло – рис, просо, бобы, пшеница; зёрна их были белые, гладкие, будто наполненные жиром. А сеять их можно было в любое время – будь то зима или лето» [Кэ, 1987: 21].

В нартских сказаниях народов Северного Кавказа о приключениях героев-богатырей (нартгов), в основе которых лежит древнейший эпос, герой, вынужденно заночевавший в темном лесу, среди ночи увидел свет в глубине ущелья: «Урызماغ пошел на свет, и вот перед ним шалаш. Внутри его на горячих углях сами собой вертятся шампуры, жарятся на них шашлыки, и тут же на трехногом столике – три пирога с сыром и рядом кувшин с ронгом, а возле них – рог для питья». Есть в сказаниях и волшебный столик, героиня вынесла волшебный столик – «трехножку-самобранку», и «все яства, какие только бывают на земле, очутились на этом столе». (Сказания о Нартах. Перевод с осетинского Ю. Либединского.)

В арабо-персидских сказках, вошедших в состав сборника «Тысяча и одна ночь», еда появляется из волшебного мешка, который герой, бедный рыбак Джудар, получает от загадочного магрибинца

¹⁴ Калевала. М., 1977. С. 370, 97, 128; Избранные руны Архипа Перттунена. Петрозаводск, 1948. С. 17–18.

¹⁵ Киви А. Семеро братьев / Пер. Карху Эйно. СПб., 2014.

(жителя Магриба, части Северной Африки к западу от Египта). В мире багдадского «золотого века», царстве изобилия, изысканности в еде и гурманства, из мешка можно достать любое, самое дорогое и вычурное блюдо. В этом его отличие от обычных сказочных ситуаций подобного рода у других народов, в которых волшебная еда, как правило, является базовой для региона, простой, сытной и универсальной. Характерно, что в первый момент, на вопрос, «Что тебе хочется?», Джудар, не задумываясь, отвечает «хлеба с сыром», т.е. ту самую базовую пищу. Но магрибинец восклицает, что хлеб с сыром не достоин героя. Далее последовал диалог: «Ты любишь подрумяненных цыплят?» – «Да», – ответил Джудар. «А любишь рис с медом?» – спросил магрибинец. И Джудар ответил; «Да». И магрибинец говорил «А любишь такое-то блюдо, и такое-то блюдо, и такое-то блюдо?» – пока не назвал ему двадцать четыре блюда кушаний. И Джудар сказал про себя: «Он одержимый. Откуда он принесет мне кушанья, которые назвал, когда у него нет ни кухни, ни повара. Скажу ему лучше: “Хватит!” И он сказал ему: “Хватит! Ты предлагаешь мне блюда, а я ни одного из них не вижу”. – “Простор тебе, Джудар”, – сказал магрибинец и, сунув руку в мешок, вынул золотое блюдо с двумя горячими подрумяненными цыплятами, а потом он сунул руку во второй раз и вынул золотое блюдо с кебабом, и он до тех пор вынимал из мешка, пока не вынул все двадцать четыре кушанья, которые упомянул, и Джудар оторопел, а магрибинец сказал: “Ешь, бедняга!”»

Похожая сцена разыгралась в доме Джудара, когда он вернулся с волшебным мешком к своей голодной матери. На слова: «Требуй же, чего хочешь!», мать ответила – «О дитя мое, горячего хлеба и кусок сыру». И, конечно, Джудар сказал, что «это не по твоему сану»: «О матушка, по твоему сану – подрумяненное мясо, и подрумяненные цыплята, и рисовый пилав с перцем, и еще кишки с начинкой, и тыква с начинкой, и барашек с начинкой, и ребрышки с начинкой, и лапша с миндалём, пчелиным медом и сахаром, и пирожки с патокой, и баклава»¹⁶. Вот такая арабо-персидская скатерть-самобранка с «высокой кухней».

Вернемся в Европу. В Ирландии в XI в. создается «Видение Макконглина» (Mac Conglinne), пародия на многочисленные средневековые религиозные «видения». Герой истории, ученый, пытающийся спасти короля от греха чревоугодия, останавливается в монастыре, где он немедленно ссорится с монахами, критикуя их образ жизни. Ночью ему является ангел и показывает страну, состоящую из еды. В ней озеро из заварного крема, мост из сливочно-

¹⁶ Тысяча и одна ночь. Сказка о Джударе. Ночь 612, 615 / Пер. М.А. Салье.

го масла, берег из белой муки, палисадник из бекона, дверь дома из сушеного мяса, порог из хлеба, притвор из белого сыра, колонны из желтого сыра, подпорки из сочного бекона, балки из сливок, стропила из творога¹⁷. Вся любимая пища ирландцев, собранная в волшебной стране...

В позднем Средневековье в Европе начался своего рода бум пищевых утопий. Возможно, это связано с массовыми эпидемиями, участвовавшими периодами голода, длительными войнами или это было преддверием нового периода в истории человечества и гастрономической культуры, начавшегося в XVI в., но мечты о сладкой и сытой жизни особенно часто посещали людей в это время. По мере того, как развивались кухни народов, видоизменялись и утопии.

Начиная с XIV в. истории о волшебной стране, где царит мир и спокойствие, равенство и братство, никто ничего не делает, только ест, спит, нарядно одевается и занимается любовью, причем на еде сделан особый акцент, появляются в литературных памятниках по всей Европе: в Англии, Германии, Франции, Испании, Италии. Они невольно вызывают аналогии с античными сатирическими литературными утопиями, смеются над моралью и условностями своего времени и «позволяют» еде жить своей одушевленной жизнью. Не принимая во внимание вопросы, волнующие исследователей уже не одно столетие – каково происхождение названия страны «Кокань», был ли литературный первоисточник, который разошелся по Европе, и если да, то где он, антиклерикальную (изобильное место часто находится в монастыре) и социальную направленность сказаний – обратимся к составу пищи, ибо схожие по стилю и духу такого рода истории, заметно отличались по гастрономической составляющей, варьировавшейся от страны к стране. Конечно, перевод названий продуктов и блюд, особенно в стихотворном варианте, нередко грешит неточностями, однако общий смысл передается вполне определенно.

Впервые описание страны Кокань (pays de Coquaigne) встречается в анонимном французском фаблю XIII в. Автор описывает сказочное место, в котором он оказался:

В любом домишке обрешетка –
Лосось, лаврак и верховодка,
Стропила там из осетрины,
А крыши – из свиной грудины,
И дранка стругана с колбас,
И много там иных прикрас:
Плетень у них промеж полями –

---

¹⁷ The Vision of Mac Conglinne: a Middle Irish Wonder Tale. L., 1892.

Из вертелов с окороками,
По улицам, крутясь над жаром,
Плывут гусята в жире, даром,
А вслед за ними, тут как тут,
Подливы с чесночком снуют...
И сколько хочешь можешь класть:
И дичь, и оленины всласть,
И всё, к чему лежит душа –
Притом не платишь ни гроша,
И после не предъявят счет...
Бывает дождь в неделю трижды
Из жирных сладких пирогов...

(Пер. со старофранц. Я.Ю. Старцева).

В прозаическом пересказе все это выглядит еще нагляднее: «... страна, в которой «из лавраков, лососей и селедок построены стены всех домов; вместо стропил – осетры, крыши крыты окороками, а вместо балок – колбасы... Кусками жаркого и свиными лопатками огорожены поля; на улицах, сами собой вращаясь на вертелех, жарятся жирные гуси, а сверху на них льется белейший чесночный соус; ...каждый возьмет что захочет: один – рыбу, другой – мясо; и если кому вздумается нагрузить едой целую повозку – пожалуйста, за милую душу... И вот вам святая правда: в той благословенной стране течет река вина... одна половина – красного, лучшего, какое можно найти в Боне или за морем, а другая половина – белого, да такого благородного и изысканного, какого не производят и в Оссере, Ла-Рошели или Тоннере» [Монтанари, 2009: 118].

Французский стол разнообразен: мясо, рыба, соусы, колбасы, окорока, пироги, все заливается вином, причем оговариваются и белое, и красное, еще и намек на сорта, для Франции это важно.

В Италии свои предпочтения. Описание сказочной области «Живи-лакомо» содержится в новелле «Декамерона» Дж. Боккаччо. В тех краях «виноградные лозы подвязывают сосисками, гусь идет за копейку, да еще с гусенком впридачу; есть там гора вся из тертого пармезана, на которой живут люди и ничем другим не занимаются, как только готовят макароны и клецки, варят их в отваре из каплунов и бросают вниз; кто больше поймает, у того больше и бывает; а поблизости течет поток из Верначьо, лучшего вина еще никто не пивал, и нет в нем ни капли воды» (Пер. А.Н. Веселовского). В итальянском варианте не сосиски, а «сальсичча» (*salsiccia*), традиционные колбаски для жарки, а клецки – это хорошо известные сейчас, но не во времена переводчика, равиоли. Итальянские гастрономические предпочтения здесь очевидны.

В Англии страна получила знакомое название, на английский лад, Кокейн, но свое «меню»:

Паштетные стены стоят там, ей-богу,
Из жирного мяса и рыб без костей,
Каких никогда не едали вкусней.
Из пышек пшеничных на крышах дрань,
На церкви и кельях, куда ни глянь,
Из пудингов башни стоят по углам...
Еще вот диковина там какая:
Гусей жареных летает стая,
На вертелах все – ей-богу, клянусь!
Гогочут: «Я – гусь, я – горячий гусь!»
Чесноком приправлены гуси не худо,

Изо всех это самое смачное блюдо¹⁸.

Здесь тоже есть свои «трудности перевода». «Паштеты» в оригинале – это пироги с мясной, рыбной и сытной (жирной) начинкой, а пудинги – жирные колбаски, наподобие, кровяной колбасы

Герой комедии Бена Джонсона «Варфоломеевская ярмарка» (1614) мечтает о свинине: «Но, милая матушка, если мы не станем искать свинью, то как мы найдем ее? Не бросится же она с противня прямо к нам в рот с криком: «Уи, уи!», как в стране лентяев из детской сказочки» (в оригинале “...as in Lubberland”)¹⁹.

Здесь есть отсылка к британской народной песенке, опубликованной XVII в., «Приглашение в Люберланд» (“An Invitation to Lubberland”), в которой капитан рассказывает об увиденной им в плаванье чудесной стране. В ней по улицам бегают жареные поросята, повизгивая: «съешь меня!», улицы вымощены пудингами и пирогами с говядиной и беконом, крыши покрыты блинами, на деревьях растут тарталетки с заварным кремом («кастард»), а каждая лужа являет собой сытное желе. Интересен набор вин: «реки из Кларета», в Средние века это вино производили в Аквитании, регионе, находившимся под властью английской короны, что делало Кларет – «своим» вином в Англии, ручей Мальвазии, еще одного популярного со времен Шекспира вина, привозимого в то время в Англию с Канарских островов, и фонтан Бренди, впервые упомянутого в сказочной стране крепкого напитка²⁰. К этому моменту англичане практически окончательно определились со своими вкусами.

¹⁸ Мортон А.Л. Английская утопия. М., 1956.

¹⁹ Джонсон Б. Варфоломеевская ярмарка. М., 1957. С. 65; Jonson B. Bartholomew Fair. L., 1960. P. 73.

²⁰ An Invitation to Lubberland // The Roxburghe Ballads. Vol. VII. Hertford, 1893. P. 562–563.

Кстати, о напитках. В подобного рода ирландской пищевой утопии говорится: «Некоторые ручьи там текут молоком, иные струятся вином; там, несомненно, существуют реки виски и портера»²¹.

В Германии историю о «Стране бездельников» («Шлаураффии») в 1530 г. записал поэт Ганс Сакс. Несмотря на попытку назидания (в конце мораль: «Пусть каждый с детских лет поймет: Лень до добра не доведет!»); все-таки идея протестантской трудовой этики для немцев неистребима даже в ленивых мечтах о еде), немецкий вариант получился, может, и не слишком изысканный, зато самый сытный. Здесь и каши, и масса хлебобулочных изделий, и любимые немцами сосиски-колбаски, и жареная свинина, кусок которой можно в любой момент отрезать от бегающего поросенка, и множество других вкусовостей:

На свете есть одна страна,
Мила бездельникам она...
Там чудеса вас всюду ждут...
Покрыт блинами каждый дом,
И дверь из пряника притом.
Едва перешагнул порог –
Пол, стены – все сплошной пирог!
А перед домом тын стоит:
Он из сосисок крепко свит...
На соснах колбаса растет,
Тряхнешь березу – сыр спадет,
И, как грибы, среди травы
Ватрушки там найдете вы!..
Бегут навстречу иногда
Там жареных свиной стада;
У каждой нож в спине торчит,
Отрежь кусок и будешь сыт,
Поел – воткни обратно нож...

(Пер. Б. Тимофеева)

В начале Нового времени мир пищевых утопий приобрел новое местоположение – «за океаном». Эпоха великих географических открытий не могла не затронуть и народное воображение. Зачем же еще затевать сложные длительные дорогостоящие путешествия, как не в поисках страны, где изобилие еды и питья, сытая и спокойная жизнь? Немногие сведения, доходившие до народа от моряков и солдат, вернувшихся из плавания, только подогревали эти настроения. Множатся поэмы вроде той, в которой аноним из Модены в первой половине XVI в. воспевает «чудесную страну... которая

---

²¹ Мортон А.Л. Указ. соч.

Доброй Жизнью зовется», открытую «теми, кто Море-Океан одолел». Характерно, что в этих «невиданных и несслыханных» странах нет экзотической еды и непривычных напитков: «только гора тертого сыра высится посреди долины, а на вершину подняли огромный котел»; котел этот, шириной в милю, «все время кипит, варит макароны, а когда они сварятся, выплескивает», и они, скатываясь вниз по горе, «обваливаются в сыре». «И текут ручьи доброго вина». А еще пахучие травы, реки молока, из которого делают вкусный творог, виноград, фиги, дыни; куропатки и каплуны, булочки, белый хлеб; «ослов там привязывают колбасами», а во время дождя «с неба падают равиоли» [Монтанари, 2009: 122]. Народное воображение волновали только картины изобилия своей, любимой и привычной еды. Привезенные из реальных дальних стран новые продукты с трудом пробивали дорогу к сердцу народа. Хотя, спустя несколько веков, многие из них, такие как картофель, кукуруза, подсолнечник, стали спасением для простых людей, а такие как чай – частью традиционной культуры.

На Руси тема волшебной пищи была чрезвычайно популярна. Не потому, что русские любили поесть больше других народов или не любили работать. Просто хлеб, основа питания большей части населения, в силу климатических причин производился здесь сложнее, чем во многих других регионах, а зависимость от него была крайне высока, практически ему не было никакой альтернативы. Так что тяжелый труд и периодический голод были хорошо знакомы жителям страны, что порождало мечты о безбедном и сытном житье. Наиболее древние русские предания дошли до нас преимущественно в виде сказок. Именно в них текут молочные реки между кисельными берегами, печка посреди поля угощает детей пирожками, а дикая яблонька – яблочками. В них – «На море, на окояне, на острове на буяне стоит бык печеный: в заду чеснок толченый, с одного боку-то режь, а с другого макай да ешь», образ этот – очень древний (Собрание пословиц и поговорок В.И. Даля). А скатерть-самобранка, загадочные «Шмат-разум» и «Саура» угощают героев любыми лакомствами.

В письменных источниках пищевые утопии появляются поздно. Их древним предвестником можно считать, например, эпизод из Повести временных лет, в котором князь Владимир повелел кормить всех жителей Киева: всякий мог в любое время прийти на княжий двор и получить питье, пищу и даже деньги из казны. Для тех, кто был болен и немощен и не мог добраться до двора, «приказал снарядить телеги и, наложив на них хлебы, мясо, рыбу, различные плоды, мед в бочках, а в других квас». А для «своих людей» каждое воскресенье устраивал обильный пир (996 год. Повесть временных

лет / Пер. Д.С. Лихачева). Последнее, вероятно, имело место быть, так как отзвуки боярских застолий у князя сохранились и в русских былинах. А вот раздача еды народу на постоянной основе представляется, скорее, легендой, мифом, сложившимся вокруг Владимира Святого.

Важная особенность отличает пищевое изобилие русских утопий: созданные народом, они представляют весьма ограниченный набор блюд, преимущественно мучных. Так, в сказке о двух Иванах скатерть-самобранка накрывает чудесный обед: «и пироги, и калачи, и с мясом щи, и окорок свиной, и кисель овсяной». Это обычная крестьянская еда, только та, которая доставалась народу по праздникам, раза два в году. При виде таких роскошеств и богатый Иван «покраснел от злости»²².

В русской народной песне «Братья, вы, братья!», записанной в XVII в., стоит церковь, «Из пирогов строена, Лепешками вымощена, Аладьями вывершена, Блинами покрыта; Стоит там поп, Толоконный лоб, Риза соломенная, Подсвешники редишные, Кадила репышные, Свечи морковные»²³.

В XIX в. это пристрастие к своей родной простой пище прекрасно, и очень близко к хорошо знакомому ему народному материалу, обыграл В.И. Даль, в одном из своих сочинений – «Сказке о некоем православном покойном мужичке и о сыне его, Емеле-дурачке» (1834). Его Емеля больше всего любил лук, квас и толокно, самую повседневную крестьянскую еду. Поймав волшебную рыбку, он потребовал исполнения самых заветных желаний. «Наперед, сказал Емеля: чтобы у меня всегда было в волю луку, квасу и толокна; потом, чтобы всякая работа, к какой меня невестки, или другой кто ни приставят, сама собою делалась; а еще в-третьих... а в-третьих, еще луку, квасу и толокна!»

Правда, женившись на царской дочке и разбогатев волшебным образом, Емеля, хотя и сохранил пристрастие к луку, толокну и квасу, позволил себе немного разгуляться, устроив для царя-батюшки и всего народа праздничный пир в шутовском виде: «А пирушку задам я всем подданным твоим такую, чтобы представить примерный приступ и сражение; чтобы из пирогов подовых, здобных и слоеных были выстроены твердыни неприступные, обнесены раскатами из крутой каши масляной, опоясаны тремя рвами широкими; в первом мед, в другом пиво, в третьем вина Фряжския»²⁴.

²² Скатерть-самобранка, кошелек-самотряс и двое из сумы: Русские сказки в пересказе для детей А. Нечаева. М., 1970.

²³ Сатира XI–XVIII вв. М., 1987. С. 405.

²⁴ Сочинения В.И. Даля: В 8 т. Т. 7. СПб., 1883. С. 168-188.

В популярном советском анекдоте мужик поймал золотую рыбку, потребовал море водки, подумал и вторым желанием попросил ящик водки, думал-думал и напоследок решил взять бутылку водки. Конечно, это гипербола и шутка, но примерно так и выглядели пищевые мечты русского мужика: только хлеба, каши и лука для остроты.

А вот роскошное пиршество, выходящее за рамки пирогов, блинов и мясных щей, русский народ просто не мог себе представить, поэтому во многих случаях ограничивался абстрактными замечаниями о богатстве. В сказке «Пойди туда – не знаю куда, принеси то – не знаю что», это самое «не знаю что» оказалось невидимым существом, накрывающим стол по первому указанию хозяина: «Эй, Шмат-разум! – закричал стрелец. – Дай-ка нам попить-поесть». Явился стол, на столе вина и кушанья, чего душа захочет – все мигом исполнено!» (Афанасьев, № 212²⁵) А в сказке «Скатерть-самобранка» мужик разворачивал скатерть-самобранку, а там – «Батюшки-светы, откуда чего взялось: наставились кушанья разные, меда душистые, вина сладкие, закуски, заедки всякие – стол ломится! Пей, ешь – душа мера!»²⁶

Сами ли по себе или из Европы, но в старинные русские сказки «залетели» и жареные птицы из страны Кокань. Так, встречаются они в известном сказочном зачине о Золотом веке старины: «В то давнее время, когда мир божий наполнен был лешими, ведьмами да русалками, когда реки текли молочные, берега были кисельные, а по полям летали жареные куропатки, в то время жил-был царь по имени Горох с царицею Анастасьею Прекрасною; у них было три сына-царевича» (Афанасьев, № 56).

Есть в России и литературные обработки пищевых утопий, например «Сказание о роскошном житии и веселии» XVII в. В ней, как и положено по законам жанра, рассказывается о богатом и сытном крае. Стилистика описания похожа на европейские средневековые аналоги, а вот продовольственное наполнение свое, отечественное, хотя и не крестьянское, а, скорее, боярское. На столах там «колобы и колачи, пироги и блины, мясные части и кисель, рыбные звены и уши, гуси жареные и журавли, лебеди и чапли и индейския куры, и курята и утята, кокоши [петухи] и чирята, кулики и тетеревы, воробы и цыплята, хлебы ситные и пирожки, и сосуды с разными напитками». Из напитков выделяется мед, которого «велики чаны», есть и иностранные вина, «и браги, и бузы, и квасу столь множество, что и глядеть не хочется». Вообще, алкогольная тема занимает зна-

²⁵ Здесь и далее ссылки приводятся по изданию: Народные русские сказки А.Н. Афанасьева: В 3 т. М., 1984–1985.

²⁶ Скатерть-самобранка, кошелек-самотряс и двое из сумы...

читательное место в русском «роскошном житии». Особенно радует рассказчика, что пей сколько хочешь, «никто не оговорит, ни слова молвит». Более того, «похмельным людям» готово там множество «похмельных ядей соленых, капусты великия чаны, огурцов и рыжиков, и грушей, и редки, и чесноку, луку и всякия похмельныя яствы». Как и в европейских утопиях еда появляется сама по себе, она – часть природы, там «все самородно», как подчеркивает автор. Есть и озеро «вина двойного», т.е. крепкого, и пруд меду, и болото пива. А ценную рыбу – «белугов, осетров и семги, и белых рыбиц и севрюг, стерляди, сельди, лещи и щуки, окуни и караси, и иных рыб» – «тамошние господари» ловят удочками и руками, не выходя из дома, из окон и дверей²⁷.

В XIX в. народные мечты о еде, которая себя производит, готовится, а иногда и сама лезет в рот, проникли в произведения лучших писателей. Вспомним хотя бы гоголевские галушки, которые в сметану обмакиваются и в рот прыгают: «... Пацюк разинул рот, поглядел на вареники и еще сильнее разинул рот. В это время вареник выплеснул из миски, шлепнул в сметану, перевернулся на другую сторону, подскочил вверх и как раз попал ему в рот. Пацюк съел и снова разинул рот, и вареник таким же порядком отправился снова. На себя только принимал он труд жевать и проглатывать. “Вишь, какое диво!” – подумал кузнец, разинув от удивления рот, и тот же час заметил, что вареник лезет и к нему в рот и уже выказал губы сметаную» (Гоголь Н.В. Ночь перед Рождеством). Кузнец, правда, резонно связал такое «чудо» с нечистой силой и «прыгающий» вареник есть не захотел. Заметим, что и здесь сохранен национальный пищевой колорит, галушки, вареники и сметана – важная составляющая украинской кухни.

Мечта о сытной еде не умерла с прогрессом цивилизации, который, увы не принес пищевого изобилия широким массам населения, скорее, наоборот, голод стал еще более повсеместным явлением в новое время. Революции, сотрясавшие Европу, проходили под знаком «хлеба», требовали именно его, а не «бриошей». Революции для народа также стали чем-то вроде утопий: мол, прогоним богатых бездельников и сами наедемся, ничего не делая. Понятия «свободы» и «равенства» – абстракции для тружеников, обещание хлеба или курицы по воскресеньям воздействуют на них гораздо сильнее.

Традиционные мотивы продолжают встречаться в народном творчестве в новое время, чаще всего в песнях, балладах и сказках.

---

²⁷ Изборник. Сборник произведений литературы Древней Руси. М., 1969. С. 591–593.

В Англии в «Песнях бардов реки Тайн», опубликованных в 1849 г., в одной поэме мы находим такой отрывок:

Повидать Робин Гуда зашел я однажды,
Выпил там пару кварт с Джоном Найпсом, брат,
Проповедник Уисли был там, утолял свою жажду,
И, трубку свою куря, похваливал пиво, брат.
На дереве каждом там ляжки бараньи висят.
Джек Найпс рассказал – не соврал он нисколько, ей-ей! –
А в дождь там с ветвей куски сала летят.
То-то можно пожать, только рот подставляй скорей!²⁸

Народный фольклор в XIX в. был собран и во многих случаях адаптирован для детей, так пищевые утопии перешли в детские сказки, стали мечтой не только взрослых, но и голодных детей: «Девочка увидела перед собой комнату, а на ней стол, покрытый белоснежной скатертью и уставленный дорогим фарфором. На столе, распространяя чудесный аромат, стояло блюдо с жареным гусем, начиненным черносливом и яблоками! И всего чудеснее было то, что гусь вдруг спрыгнул со стола, и как был, с вилкой и ножом в спине, вперевалку заковырял по полу»²⁹.

Мечта о волшебной стране во многих случаях получила к XIX в. вполне конкретную направленность и название. С того времени, как одиночных беглых преступников и искателей приключений сменила волна крестьян-переселенцев, Америка стала для многих тем местом, где они надеялись обрести не только свободу, но и любимую пищу в изобилии. Так, в популярной норвежской песне, впервые появившейся в печати в 1853 г., сказочный персонаж приглашает всех и каждого променять свое жалкое существование на свободу в США, городе Олеане; вот отрывок из нее:

В Олеане дадут тебе землю даром, а злаки прямо сами из нее лезут – вот тебе и деньги на веселье!

Зерно само обмолачивается в амбаре, в то время как я валяюсь на своей кровати.

И мюнхенское пиво, самое лучшее, какое можно сварить в Иоттеборге, и ручейки его текут там на радость беднякам.

И румяные жареные поросята мило резвятся вокруг и вежливо спрашивают: не хочет ли кто ветчины?»³⁰

Увы, в Америки земной рай оказался столь же далек от реальности, как и в других регионах земли. Так что пищевые утопии оказались актуальными и для этой части земного шара. Наиболее

²⁸ Мортон А.Л. Указ. соч.

²⁹ Андерсен Г.Х. Сказки и истории. М., 1989. С. 230.

³⁰ Мортон А.Л. Указ. соч.

известная из них, которую до сих пор поют исполнители кантри песен (например, в фильме «О где же ты, Брат», 2000, братьев Коэнов), это «Большие Леденцовые горы». Она была записанная впервые в 1928 г. и представляет собой своеобразный гимн рабочих («хобо»), бродяжничавших по стране. Отберем только «пищевую» составляющую песни, указывающую на вкусовые предпочтения простых американцев начала XX в.:

В Леденцовых Больших горах...
Кладут яйца всмятку куры.
Сады у фермеров полны плодов...
Ручейки из джина и спирта
Журчат себе по скалам...
Жаркое там в озере виски...
Земляничный пирог
Там, как башня, высок,
Сливки сбитые возят возами.
Будем есть, что захотим!
Там омлет с ветчиною растет
На деревьях над озером с пивом [Rammel, 1990].

В оригинале есть еще лимонадные источники и озеро тушеного мяса.

Своего рода пищевую утопию советского периода находим в популярных книгах для детей про неугомонного Незнайку. Во второй книге герой с друзьями оказывается в Солнечном городе (аналогия с утопией Томмазо Компанелло «Город Солнца» здесь очевидна). Это своего рода страна победившего коммунизма (хотя напрямую об этом и не говорится), идеальный город, где среди прочих радостей и благ много еды. Причем еда эта абсолютно бесплатная, как и положено в пищевых утопиях: «Вы можете зайти в любую столовую и есть что хотите», уверяет героев жительница Солнечного города Клепка. Именно бесплатная еда понравилась Незнайке больше всего в городе свободы, равенства и братства. «У нас если захочешь яблочка, так надо сначала на дерево залезть; захочешь клубнички, так ее сперва надо вырастить; орешка захочешь – в лес надо идти. У вас просто: иди в столовую и ешь, чего душа пожелает, а у нас поработай сначала, а потом уж ешь», радуется герой.

Еда, опять же по законам жанра такого рода утопий, возникает из ниоткуда. И еда эта – самая простая, ничем не отличающаяся от обычной еды русского и советского человека. Меню Солнечного города показывает, как мало изменилось представление о счастье в пищевом вопросе даже к середине XX в. Милиционер Свистулькин, проголодавшись идет на кухню. Он «подошел к небольшой дверце в стене и начал нажимать имевшиеся по бокам кнопки, возле кото-

рых были сделаны надписи: «Суп», «Каша», «Кисель», «Компот», «Хлеб», «Пироги», «Вермишель», «Чай», «Кофе» и разные другие. Открыв после этого дверцу, за которой не обнаружилось ничего, кроме четырехугольного отверстия, милиционер Свистулькин сел на стул и стал ждать. Минуты через две или три сквозь имевшуюся внизу дыру поднялась небольшая кабина так называемого кухонного лифта... Открыв дверцу кабины, Свистулькин принялся вынимать из нее тарелки с супом, кашей, киселем, сковородку с пудингом, кофейник, сахарницу, тарелку с пирогами и нарезанным хлебом и прочее. Поставив все это перед собой на столе, он принялся с аппетитом завтракать». Каша, супы и хлеб, вот еда победившего коммунизма в представлении жителей Старины Советов, не сильно отличающаяся от пищи русского крестьянина времен царизма (Носов Н. Незнайка в Солнечном городе).

Третья книга «Незнайка на Луне» вышла уже в 1960-х. Здесь мы сталкиваемся со своего рода «антиутопией», речь идет о капиталистическом обществе, где человек человеку волк. Еда, однако, здесь хороша (только за нее надо платить, и много), и также не сильно отличается от предпочтений русского крестьянина: «Через пять минут Незнайка и Козлик сидели в тёплом помещении столовой и с аппетитом уплетали вкусный перловый суп с пирогами и гречневую кашу с маслом». В ресторане еда оказывается также очень вкусной (и дорогой). Здесь автор делает попытку показать роскошную жизнь, отойдя от каши и пирогов: «Незнайка пожелал съесть тарелочку супа, после чего попросил принести порцию макарон с сыром, потом съел ещё две порции голубцов, выпил чашечку кофе и закусил клубничным мороженым. Всё это оказалось чрезвычайно вкусным» (Носов Н. Незнайка на Луне).

Еда – наиболее устойчивая к воздействию глобализации часть материальной культуры. Ее основу составляют базовые продукты, состав которых, как правило, достаточно устойчив и постоянен. Пищевые утопии, создаваемые человечеством на протяжении тысячелетий, наглядно иллюстрируют и наличие базовых продуктов у разных народов, и особенности традиций питания, и устойчивость этих традиций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Загряжкина Т.Ю.* Коды французской кухни в контексте нарративных текстов // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 2. С. 51–76.
2. *Королев К.М.* Мифология Британских островов. М., 2007.
3. *Кэ Ю.* Мифы древнего Китая. М., 1987.

4. Молчанова Г.Г. Традиции гасстики как отражение национальной и региональной идентичности // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2013. № 2. С. 20–26.
5. Монтанари М. Голод и изобилие. М., 2009.
6. Павловская А.В. Гастрософия: наука о еде. К постановке проблемы. Ч. 1 // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 4. С. 23–38.
7. Павловская А.В. Гастрософия: наука о еде. К постановке проблемы Часть 2. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016. № 1. С. 26–41.
8. Раевская М.М., Киселева Л.Н. Испанская гастрономическая традиция как элемент социокультурной идентичности // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 2. С. 77–87.
9. Rammel H. Nowhere in America: The Big Rock Candy Mountain and Other Comic Utopias. Champaign, 1990.

REFERENCES

1. Zagrzazkina T.Ju. 2015 Kody francuzskoj kuhni v kontekste narrativnyh tekstov [Codes of the French Cuisine in the Context of Narrative Texts]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 51–76. (In Russ.)
2. Korolev K.M. 2007. *Mifologija Britanskih ostrovov* [Mythology of the British Islands]. Moscow. (In Russ.)
3. Kje Ju. 1987. *Mify drevnego Kitaja* [Myths of the Ancient China]. Moscow. (In Russ.)
4. Molchanova G.G. 2013. Tradicii gastiki kak otrazhenie nacional'noj i regional'noj identichnosti. [Gastic Traditions as a Reflection of National and Regional Identity]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 20–26. (In Russ.)
5. Montanari M. 2009. *Golod i izobilie* [Starvation and Abundance]. Moscow. (In Russ.)
6. Pavlovskaya A.V. 2015. Gastrosofija: nauka o eде. K postanovke problem. Part 1. [Gastrosophy: the science of food. Formulation of the problem. Part 1]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 4, pp. 23–38. (In Russ.)
7. Pavlovskaya A.V. 2016. Gastrosofija: nauka o eде. K postanovke problem. Part 2. [Gastrosophy: the science of food. Formulation of the problem. Part 2]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1, pp. 26–41. (In Russ.)
8. Raevskaja M.M., Kiseleva L.N. 2015. Ispanskaja gastronomicheskaja tradicija kak jelement sociokul'turnoj identichnosti [The Spanish Gastronomic Tradition as an Element of Socio-Cultural Identity]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 77–87. (In Russ.)
9. Rammel H. 1990. Nowhere in America: The Big Rock Candy Mountain and Other Comic Utopias. Champaign, University of Illinois Press.

Статья поступила в редакцию 27.08.2021;
одобрена после рецензирования 16.09.2021; принята к публикации 27.09.2021

The article was submitted 27.08.2021;
approved after reviewing 16.09.2021; accepted for publication 27.09.2021

Об авторе

Павловская Анна Валентиновна – доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой региональных исследований факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова, annapavl@mail.ru

About the author

Anna V. Pavlovskaya – Dr. habil in History, Professor, Head of the Department of Area Studies, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University, annapavl@mail.ru